

выполнял никаких функций денег. В последние годы усилиями российского государства и центрального банка рубль перешёл в стадию международной валюты, прежде всего – в рамках интеграционных объединений с участием Российской Федерации. Начался выпуск рублёвых еврооблигаций, что означало, что покупатели таких бумаг были согласны получать по ним рублёвые выплаты. Некоторые торговые системы за границей, в том числе в Лондоне и Чикаго, включили рубль в перечень валют, с которыми их клиенты могут совершать сделки. Следовательно, там были открыты рублёвые банковские счета. Масштабы использования российского рубля в мире были небольшими, однако сам факт в значительной мере укрепил российский рубль и, соответственно, экономику страны.

Этот путь вполне реален и для белорусской национальной валюты. Такая работа была начата Национальным банком в 2015 г., и за небольшой период времени ему удалось добиться значительных успехов. К сожалению, кризис, обусловленный пандемией и последующими событиями, во многом нивелировал эти достижения, и к настоящему моменту задачи по укреплению национальной валюты, повышения к ней доверия со стороны внутренних и внешних акторов, превращению белорусского рубля в международную валюту вновь стоят перед национальным регулятором.

Следует подчеркнуть, что понятие международных валют не идентично понятию мировых валют, к которым причисляют валюты, используемые в международных расчетах и резервах центральных банков в значимых количествах, хотя бы 1–2% [8, с. 19]. Сегодня не стоит вопрос о превращении национальной валюты Беларуси в мировую. Речь идет о том, что без использования во внешнеэкономической деятельности, т.е. без выполнения функции международных денег, белорусский рубль не является полноценной валютой, что не способствует устойчивому развитию национальной экономики. Достижимость этой задачи подтверждена реальными результатами, полученными Национальным банком за несколько предкризисных лет.

Список использованной литературы

1. Протасовицкий, С. П. Теория частноправового регулирования финансов / С. П. Протасовицкий. – Минск: БГУ, 2020. – 315 с.
2. Саакян, А.Г. Криптовалюта как первичный инструмент в формировании валютного регулирования государства / А.Г. Саакян // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2015. – № 4. – С. 17–21.
3. Легализация криптовалют на примере разных стран и государств // Cripta.me [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cripta.me/legalizacia>. – Дата доступа: 09.06.2022.
4. Курилёнок, К. Поисковые модели денежной теории: деньги как равновесие по Нэшу / К. Курилёнок // Банковский вестник. – 2021. – Январь. – С. 18–28.
5. Кучеров, И.И. Правовые подходы к легитимации криптовалют / И.И. Кучеров // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 183–187.
6. Осмоловец, С. Цифровая валюта центрального банка: сущность, концепции и риски эмиссии / С. Осмоловец // Банковский вестник. – 2021. – Апрель. – С. 21–30.
7. Ляменков, А.К. Интернационализация валют в современной мировой экономике / А.К. Ляменков, Е.А. Ляменкова // Символ науки. – 2015. – № 10. В 2 частях. Часть 1. – С. 63–67.
8. Буторина, О.В. Международные валюты: интеграция и конкуренция / О.В. Буторина. – М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2003. – 368 с.

УДК 339.564:341.9

В. А. Федотов

(Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВНЕШНЕТОРГОВОГО СПОРА: ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

На основе комплексного и системного анализа правовой регламентации норм о разрешении споров, возникающих из внешнеторговых договоров, автор предлагает применение концепции взаимодействия норм правовых систем, имеющих тесную связь с отношением.

На современном этапе социально-экономических преобразований в Республике Беларусь внешнеторговая деятельность приобрела приоритетное значение и во многом определяет современное состояние экономики государства. Экономический рост республики основан на экспорте и импорте товаров и услуг, поэтому вопросы нормативно-правового обеспечения внешнеторгового потенциала являются исключительно важными и актуальными.

Основной формой осуществления международной экономической деятельности является внешнеторговый договор. По своей юридической природе данная категория гражданско-правовых соглашений имеет ряд существенных отличий от внутренних договоров, основанных на национальном законе. Внешнеторговый договор совершается в соответствии с требованиями правовых систем, имеющих тесную связь с отношением, что влечет ряд иных юридических последствий.

Договорной статут внешнеторгового соглашения формируется на основе императивных норм правовых систем, к которым принадлежат участники отношения, а также императивных норм правовых систем третьих стран, с которыми связано исполнение договора. Это нормы не только гражданского, но и таможенного, налогового и валютного законодательства. На стадии вступления в отношение субъекты внешнеторговой деятельности должны установить возможность заключения внешнеторгового контракта. В случае расхождения императивных норм стран, имеющих тесную связь с внешнеторговым отношением, такой договор не может быть заключен, а совершенный – признан не заключенным.

Следует признать, что данный аспект совершения внешнеторгового контракта основанной на взаимодействии правовых норм, имеющих тесную связь с отношением, не получил должной правовой регламентации в законодательстве России и Беларуси. К сожалению, в гражданском законодательстве отсутствуют специальные правовые нормы о полисистемном режиме правового регулирования внешнеторговой деятельности.

При совершении внешнеторгового контракта каждая сторона должна исполнить требования правовых норм государства национальной принадлежности: это гражданско-правовые нормы о содержании и форме соглашения, установленные международными соглашениями (конвенциями) и нормативными правовыми актами.

Так, при совершении внешнеторгового контракта купли-продажи резидентами РФ и Беларуси стороны должны обеспечить соответствие договора:

1. Нормам Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Если стороны не условятся об ином, в соответствии со ст. 14 Конвенции в оферте, а соответственно в договоре, должен быть «...обозначен товар и прямо или косвенно устанавливаются количество и цена либо предусматривается порядок их определения».

2. Нормам Гражданского кодекса России (ГК РФ) и Гражданского кодекса Беларуси (ГК Беларуси). Общими требованиями Кодексов к внешнеторговому договору являются: определение в содержании условия о предмете и совершение договора в простой письменной форме (п. 1 ст. 432, пп. 1 п. 1 ст. 161, п. 1 ст. 1209 ГК РФ, п. 2 ст. 402, п. 3 ст. 163, ст. 1116 ГК Беларуси).

3. Нормам Указа Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 178

«О порядке исполнения внешнеторговых договоров». В соответствии с каждым заключенным внешнеторговым договором резиденты Беларуси обязаны: предусмотреть во внешнеторговом договоре сумму (ориентировочную сумму) денежных обязательств сторон по договору, а также условия расчетов (подп. 1.16).

Следует отметить, что в российском законодательстве о внешней торговле специальные нормы о содержании внешнеторговых договоров предусмотрены лишь в отношении отдельных видов контрактов. Так, в соответствии с подп. 20.1 Указа Президента РФ от 10 сентября 2005 г. № 1062 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» заключаемые субъектами военно-технического сотрудничества контракты с иностранными заказчиками должны предусматривать положения об обеспечении комплексного сервисного обслуживания поставляемой заказчиком продукции военного назначения, и положения, касающиеся определения условий использования результатов интеллектуальной деятельности, передаваемых иностранным заказчиком, и (или) обеспечения их правовой охраны.

Независимо от материально-правовых или коллизионных норм, определяющих применимое право к внешнеторговому отношению раздела VI ГК РФ, императивные нормы (непосредственного применения) законодательства Российской Федерации должны быть исполнены (п. 1 ст. 1192 ГК РФ). При этом суд может применить иностранное право, принимая во внимание императивные нормы права этой страны, имеющей тесную связь с отношением, если согласно иностранному праву такие нормы являются нормами непосредственного применения (п. 2 ст. 1192 ГК РФ). Аналогичные по своему содержанию нормы предусмотрены ст. 1100 ГК Беларуси.

Однако, какова практика применения правоприменительными органами (арбитражными судами) норм, имеющих тесную связь с внешнеторговым отношением, при разрешении споров?

Необходимо признать, что суды не применяют нормы правовых систем во взаимодействии, хотя в законодательстве имеется немало предпосылок для такого нормативного обеспечения.

Приведем примеры из материалов судебных дел. В арбитражный суд России с иском о признании недействительными условий соглашения о создании совместного предприятия с иностранными компаниями-соучредителями обратилась российская организация.

Судом установлено, что соглашение о создании совместного предприятия – российского оператора связи, подчинено английскому праву. Однако создаваемая организация относится к категории стратегических предприятий, в связи с чем положения соглашения, влекущие установление контроля над новой организацией, судом признаны недействительными в указанной части. Довод ответчиков о применении английского права для оценки последствий соглашения признан арбитражным судом несостоятельным.

Сверхимперативные нормы (ст. 1192 ГК РФ) суд применяет независимо от права, избранного сторонами в качестве применимого. На этом основании, арбитражный суд удовлетворил исковые требования [1].

Как отмечено в письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 158 «...применение к спорным правоотношениям сверхимперативных норм российского права не подчиняет действительную часть спорного соглашения российскому праву и не исключает применения к ней избранного сторонами английского права» [1].

На наш взгляд, применение сверхимперативных норм закона страны суда имеет неоспоримый приоритет перед всеми другими нормами применимого права. Иностранное право может быть применимым в целом или в части, если имеет тесную связь с отношением и в полной мере соответствует нормам непосредственного

применения. Но отнесение норм к сверхимперативным (нормам непосредственного применения) не является основанием неприменения иностранного закона, что указано в п. 2 ст. 1192 ГК РФ и п. 2 ст. 1100 ГК Беларуси.

По общему правилу, право любого государства всегда выражает национальные интересы – государства, общества, человека. В сфере правовой регламентации международных коммерческих отношений, развитие внешнеторгового законодательства пошло по пути доминирующего примата национальных интересов над интересами стран-партнеров, что обеспечивает действие императивных норм. Вместе с тем, отношения в сфере внешней торговли нельзя регулировать законодательством лишь одного государства. Такие отношения по своей природе являются трансграничными, что обусловлено полисистемным режимом взаимодействия правовых норм, имеющих тесную связь с отношением.

Основным критерием, обеспечивающим взаимодействие правовых систем, является национальная принадлежность участвующих в отношениях лиц. Посредством применения императивных национальных норм внешнеторгового законодательства действие закона по кругу лиц приобретает экстерриториальный характер для резидента, и опосредовано совершенному контракту – для нерезидента. Нормы непосредственного применения создают основание расщепления договорного статуса внешнеторгового контракта.

Пленум Верховного Суда РФ своим постановлением от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» уточнил основания наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией России, а соответственно с российским правом: это доказательства того, что территория Российской Федерации является местом, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон; предмет спора наиболее тесно связан с территорией России; основные доказательства по делу находятся на территории Российской Федерации и др. (п. 15).

В белорусском законодательстве вопрос дифференциации оснований тесной связи со спорным правоотношением, осложненным иностранным элементом, к сожалению, не получил должной правовой регламентации. Материалы судебных дел указывают на применение ряда норм международных и нормативных правовых актов, которые в известной мере восполняют данный пробел.

Так, экономический суд Минской области в полном объеме удовлетворил требования истца ОАО «А» – управляющей компании холдинга «В» (резидент Беларуси) о взыскании стоимости некачественной продукции, а также транспортных расходов по иску к ЗАО «Б» (резидент РФ). Судом установлено, что порядок приемки продукции по качеству договором определен в соответствии с действующей в Российской Федерации Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству, утвержденной постановлением Госарбитража при Совмине СССР от 25 апреля 1966 г. № П-7 (далее – Инструкция № П-7).

При определении применимого права к разрешению спора, суд исходил из того, что: соглашение сторон о выборе применимого права должно быть явно выражено или прямо вытекать из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности (п. 1, 2 ст. 1093 ГК Беларуси); если стороны в контракте в качестве применимого права в общей форме указали на законодательство нескольких государств, экономический суд определяет применимое право на основании коллизионных норм международных договоров, законодательных актов Беларуси; при отсутствии соглашения сторон договора о подлежащем применению праве к договору применяется право страны, где имеет основное место деятельности сторона, являющаяся продавцом (подп. 1 п. 1 ст. 1125 ГК Беларуси). Кроме того, во внешнеторговом договоре стороны определили, что отношения сторон, не урегулированные договором, регламентируются действующим законодательством

Российской Федерации и Беларуси, а также межправительственными соглашениями этих стран.

Применимым правом к разрешению спора признано право России, и для разрешения спора белорусский суд в полной мере применил нормы ГК РФ (ч. 1 ст. 309, п. 2 ст. 314 п. 1, ст. 15, ч. 1 п. 2 ст. 469, п. 1 ст. 475, ч. 1 п. 1, ч. 1 п. 2 ст. 393, п. 1 ст. 518 и др.) и Инструкции № П-7. Однако, некачественность товара подтверждена: заключениями Центральной заводской лаборатории ОАО «Г», соответствующей критериям Национальной системы аккредитации Беларуси и аккредитованной на соответствие требованиям СТБ ИСО/МЭК 17025-2007, а также готовностью поставщика принять товар обратно [2].

На наш взгляд, использование в качестве доказательства в суде заключения Центральной заводской лаборатории ОАО «Г», которое подготовлено в соответствии со стандартом Беларуси, указывает на применение права России и Беларуси во взаимодействии, хотя и является отступлением от условий договора, согласно которым качество продукции удостоверяется сертификатом качества (иным документом) изготовителя.

Необходимо признать, что суды если и применяют национальное и иностранное право для разрешения внешнеторгового спора, то отдельно к отдельным частям спорного отношения.

Так, экономический суд г. Минска, рассмотрев в судебном заседании дело, возбужденное по иску ООО «Р» (РФ) к ООО «Б» (Беларусь) по спору, вытекающему из внешнеторгового контракта поставки, установил, что руководствуясь подп. 1 п. 1 ст. 1125 ГК Беларуси применимым правом к договору является законодательство России, поскольку место нахождения поставщика (истца) – Российская Федерация.

Однако, в связи с реорганизацией в форме присоединения ООО «О» к ответчику, между сторонами подписано дополнительное соглашение к договору поставки, в котором изменено наименование покупателя в преамбуле договора и указано на переход прав и обязанностей по договору к ответчику, а также изменены юридические адреса и реквизиты сторон. По мнению суда, это указывает на применение к вопросам реорганизации юридического лица, являющегося резидентом Беларуси, белорусского законодательства, т.к. место нахождения ответчика – Республика Беларусь [3].

По общему правилу для данной категории дел, белорусский суд в установлении права, подлежащего применению, руководствуется национальным законом (п. 1, 2 ст. 1093 ГК Беларуси). В дальнейшем обеспечивает действие императивных норм (ст. 1100 ГК Беларуси), и при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применении праве к договору, применяет коллизионную привязку, исходя из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности. При этом, суд свободен в выборе коллизионной нормы и, как правило, применяет закон страны продавца или закон места заключения договора (п. 1 ст. 1125, п. 1 ст. 1120 ГК Беларуси). Аналогичные нормы предусмотрены ст. 1186, ст. 1192, п. 1 ст. 1211, п. 1 ст. 1206 ГК РФ.

Список использованной литературы

1. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц : Информационное письмо Президиума ВАС РФ, 9 июля 2013 г., № 158 // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2022.

2. Минич, А.Н. Поставка товара ненадлежащего качества: пример из судебной практики (поставщик – резидент РФ, покупатель – резидент Беларуси) / А.Н. Минич // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

UDC 349.3:347.72

V. A. Brilyova
(Gomel State University F. Skorina, Gomel)

TYPES OF THE INSTITUTE OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

В статье исследован институт социального предпринимательства. Комплексный подход к сущности института социального предпринимательства позволил сформулировать определение данной категории, а также в результате анализа международных стандартов прав социально уязвимых категорий населения и исходя из социальной направленности белорусского государства автор конкретизирует перечень лиц, на которые необходимо распространить действие норм института социального предпринимательства.

In the Republic of Belarus, the institute of social entrepreneurship is controversial. Given the limited number of studies on the essence of social entrepreneurship, the lack of the concept of social entrepreneurship institute in the Republic of Belarus, normative legal act (articles within the act) regulating the concept, purpose, objectives, directions of support for socially vulnerable categories of population, forms of social entrepreneurship, measures of state support, the issue of typology of the institute is of research interest.

The study of social entrepreneurship typology is based on the following definition of social entrepreneurship, based on the essential characteristics of the institution, reflecting its role as an element of civil society, ensuring the rights of socially vulnerable population groups, as well as sharing with the state the function of social protection. Social entrepreneurship is a process of integration of social value and entrepreneurial activity to ensure the rights of socially vulnerable categories of the population, solving social and environmental problems, relying on state support measures, not excluding the support measures of non-state funds, in line with the solution of social tasks of the state.

The socio-legal essence of the economic institute of social entrepreneurship lies in the implementation by the state of its social obligations to socially vulnerable categories of the population, the implementation of social protection in line with the concepts of rule of law and civil society. The study of social entrepreneurship as an element of civil society necessitates an analysis of socially vulnerable populations as a target audience for social entrepreneurship.

Despite the existence in the Republic of Belarus of a number of normative legal acts (from laws to normative acts of the head of state) concerning social protection of socially vulnerable layers of the population, there is no normative-legal fixation of the list of persons who can be referred to this category. At the same time, a variety of terminological approaches can be stated: socially vulnerable categories of the population, socially unprotected strata of society, social risk groups, marginal groups, rights of collective groups, etc.

At the international universal level, human rights standards have been developed for social groups at risk: the Convention relating to the Status of Refugees (1951), the Convention relating to the Status of Stateless Persons (1954), the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (1955), the Convention concerning Equal Remuneration for Men and Women Workers for Work of Equal Value (1951), the Convention on the Reduction of Statelessness (1961), the Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (1965), the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women (1979), the Convention on the Rights of the Child (1989), the Basic Principles for the Treatment of Prisoners (1990), the Convention on Migrant Workers and Members of Their Families (1990), the UN Political Declaration on HIV/AIDS (2006), the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2006), and others.